

Глава 40

Цинь Шу сохранял полное спокойствие, оставаясь невозмутимым, точно скала. Ци Юань, не выдержав, порывисто обхватил его за талию.

— Ты ведь останешься на всю ночь? Не уйдешь, правда?

Цинь Шу положил руку ему на спину.

— Если будешь вести себя смирно, то останусь.

Ци Юань недовольно скривился — можно было подумать, что он так уж изголодался по близости! Но на словах поспешил заверить:

— Будь уверен, если ты побудешь со мной, я во всём буду тебя слушаться.

Цинь Шу заметил его мимолётную гримасу, но не стал уличать во лжи. Если Ци Юань вздумает проказничать, у него найдутся свои способы его остудить — в любом случае, он не позволит тому верёвки из себя вить.

Получив утвердительный ответ, Ци Юань ещё раз крепко обнял художника, после чего выудил из пакета пижаму и, всучив её тому в руки, принялся подгонять:

— Скорее переодевайся!

Глядя на его суету, Цинь Шу лишь с усмешкой покачал головой и направился в ванную.

Ци Юань последовал за ним по пятам, не переставая ворчать:

— И кто это у нас совсем недавно так холодно и безжалостно мне отказывал? Оказывается, ты просто набивал себе цену!

Остановившись у двери ванной и заметив, что актёр намерен войти следом, Цинь Шу преградил ему путь.

— Вот как? А кто это совсем недавно едва не расплакался от обиды, решив, что я уйду?

С этими словами он закрыл дверь прямо перед носом опешившего актёра.

Оставшись один на один с закрытой дверью, Ци Юань сначала смутился, но затем на его лице

отразилось крайнее изумление.

«Цинь Шу что, только что подшутил надо мной?»

В ванной Цинь Шу неторопливо переодевался. По правде говоря, он не собирался приходить сегодня, да и вообще не планировал съезжаться с Ци Юанем на время съёмок.

Однако то, как в лифте актёр внезапно сник, напоминая побитый градом баклажан, и растерял весь свой привычный апломб...

Цинь Шу признавал: ему стало его по-человечески жаль.

Он здесь, всего этажом выше — так почему бы не спуститься к нему? Если это сделает его счастливым, то зачем отказывать? Стоило этой мысли зародиться, как он больше не захотел мучить своего партнёра.

Но ещё важнее было то, что Ци Юань открыто обозначил их позицию перед папарацци. Он с такой искренней радостью выставил их чувства на всеобщее обозрение, что Цинь Шу просто не мог обмануть его ожиданий.

График съёмок у актёра был изматывающим: ранние подъёмы, поздние возвращения — работа на износ. К тому же они подолгу созванивались по вечерам, тратя на разговоры не меньше получаса, из-за чего ложиться приходилось за полночь.

В медицинских журналах Цинь Шу не раз читал, что недостаток сна губителен для организма. Он хотел позаботиться о нём, уберечь от болезней и невзгод, чтобы тот прожил долгую и счастливую жизнь. В конце концов, в своём сердце он давно считал их супругами, так что совместная жизнь не казалась ему чем-то предосудительным.

Дверь в ванную снова открылась. Цинь Шу вышел в пижаме нежно-бирюзового цвета; вырез открывал полоску кожи, которая в свете ламп казалась ослепительно белой.

Только сейчас Ци Юань заметил, что волосы художника ещё влажные. Видимо, перед тем как прийти, тот успел принять душ.

В этот миг Ци Юань окончательно поверил, что Цинь Шу действительно останется. Сердце его запело от восторга, но он всё же не удержался от вопроса:

— Почему ты вдруг передумал?

Цинь Шу, глядя на его сияющее лицо, просто ответил:

— Соскучился.

Услышав это, Ци Юань сощурился от счастья, так что его миндалевидные глаза стали похожи на полумесяцы, но тут же шутливо пожаловался:

— Что же ты сразу не сказал? Я тут уже бог весть что себе навоображал.

— Там были люди, нехорошо, если бы они услышали.

Ци Юань милостиво принял это объяснение. То, что Цинь Шу вообще сделал этот шаг, уже было огромным достижением. С того самого момента, как художник переступил порог его номера, в душе актёра не осталось места ни для чего, кроме ликования.

Его чувства сейчас напоминали молодую траву под весенним ветром: каждый листок трепетал от радости.

Если бы Цинь Шу не пришёл, он бы весь вечер изводил себя упрёками, сокрушаясь о своей безрассудной выходке. Приход Цинь Шу стал для него своего рода спасением; он понял, что в этом мире есть человек, готовый безоговорочно принимать его таким, какой он есть. Это было истинное счастье.

Видя, что актёр окончательно застыл с глупой улыбкой на лице, Цинь Шу подвёл его к кровати. Ци Юань занервничал и одновременно преисполнился робкого ожидания.

Однако Цинь Шу просто принёс полотенце, усадил его на край постели и принялся вытирать ему волосы, не забывая при этом ворчать:

— Впредь обязательно вытирай голову после душа, иначе простудишься.

Ци Юань про себя подумал, что волосы и так высохли бы через десять минут, к чему такие сложности?

Но вслух он ничего не сказал. За всю его жизнь, если не считать мастеров в салонах красоты, никто и никогда не интересовался, мокрые у него волосы или сухие. Столь необычная забота была ему в новинку, и он наслаждался моментом.

Движения Цинь Шу были мягкими, и Ци Юань млел от удовольствия. Он поднял голову и посмотрел на художника. С этого ракурса Цинь Шу казался ещё красивее, чем обычно: его лицо было спокойным, в облике сквозило благородство и утончённость. Ци Юань засмотрелся, заворожённый тем, что такой человек сейчас заботливо вытирает ему волосы. От одной этой мысли на душе становилось жарко.

Поняв, что волосы уже почти сухие, Цинь Шу отложил полотенце и произнес:

— Тебе ведь завтра на съёмки? Давай ложиться, нужно отдохнуть.

Ци Юань опомнился и тут же обхватил его руками.

— Завтра моя первая сцена только в девять, так что рано вставать не придётся.

С этими словами его рука недвусмысленно скользнула под подол пижамы Цинь Шу. Тот мгновенно перехватил его запястье.

— И кто это обещал быть послушным?

Ци Юань разочарованно вздохнул, понимая, что в этот раз Цинь Шу твёрдо намерен держать дистанцию. Видеть желанное блюдо и не иметь возможности его отведать — та ещё пытка! Но, по крайней мере, можно было просто прижаться к нему и обняться.

Он подвинулся к краю, освобождая место. Цинь Шу, видя, что тот прислушался к его словам, улегся рядом. Он натянул прохладное одеяло, прижал актёра к себе и, выключив ночник, тихо прошептал:

— Спи.

Цинь Шу действовал настолько естественно, что Ци Юань, уютно устроившись у него на плече, даже не сразу нашёлся с ответом. Лишь спустя минуту он пробормотал:

— Цинь-гэ, а ты, я гляжу, мастер в этом деле. Движения больно уверенные.

— Я привык спать в обнимку с большой подушкой, вот и навык, — голос Цинь Шу оставался привычно спокойным. — И выбрось из головы все эти свои беспочвенные подозрения.

Видя такую уверенность, Ци Юань даже смутился и заискивающе потерся носом о его шею.

Цинь Шу мягко похлопал его по спине:

— Спи.

— Ты ведь точно останешься и никуда не уйдёшь? — донёсся глухой голос из-за его плеча.

Цинь Шу добавил строгости в тон:

— Спи, не то и впрямь уйду.

Ци Юань обиженно хмыкнул. «Ну и сухарь этот Цинь Шу», — подумал он. Но чем больше он об этом размышлял, тем сильнее росло в нём чувство неудовлетворённости. Внезапно вспомнив кое-что, он приподнялся на локте и заглянул художнику в лицо:

— Перед сном положен поцелуй.

Цинь Шу взглянул на «барометр», показатели которого в темноте скакали вверх-вниз, раздражая зрение. Он притянул голову актёра к себе и накрыл губами этот рот, который вечно чего-то требовал.

В отличие от прежней нежности, на этот раз поцелуй был властным и собственническим. Сердце Ци Юаня пустилось вскачь; он чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег — воздух в легких стремительно таял, и в конце концов он обессиленно откинулся на руку Цинь Шу, преисполненный блаженства.

Этим поцелуем Цинь Шу окончательно одурманил актёра, и в комнате наконец воцарилась тишина.

Ночь вступила в свои права, шум за окном постепенно стих. В номере, тесно прижавшись друг к другу, двое мужчин погрузились в глубокий сон.

В предрассветный час Цинь Шу во сне привиделось, будто он падает в пропасть. Он резко вскрикнул и проснулся — от испуга и от того, что действительно рухнул на пол.

Кое-как поднявшись, он обнаружил, что Ци Юань занял почти всю кровать, оттеснив его к самому краю. Видимо, почувствовав, что рядом никого нет, актёр, завернувшись в одеяло, принялся во сне ворочаться, пытаясь нащупать тепло.

Глядя на партнёра, который ухитрился лечь поперёк кровати, Цинь Шу в растерянности потёр переносицу.

«Говорят, люди, которым не хватает чувства безопасности, спят, свернувшись калачиком. Почему же мой — полная противоположность?»

Он вздохнул и, подхватив Ци Юаня вместе с одеялом, переложил его на середину, после чего сам лёг рядом, крепко удерживая его в объятиях. Ци Юань по привычке завоzilся, подыскивая удобное положение, и наконец затих.

На огромной кровати актёр целиком зарылся в объятия Цинь Шу, так что видна была лишь макушка. Цинь Шу лежал на боку, а под одеялом Ци Юань, точно коала, закинул ногу ему на талию и обхватил рукой за грудь, словно стремясь сплестись с ним каждой клеточкой своего

тела.

Утреннее солнце пробилось сквозь щель в шторах, осветив спящих. В мягком свете черты лица Ци Юаня казались менее резкими, а его привычная дерзость сменилась домашним уютом. Кто бы мог подумать, что этот «тихий ангел» во сне превращается в настоящий ураган?

Цинь Шу глянул на показатели в уголке его губ — цифры колебались в районе восьмидесяти. Что ж, судя по всему, эта ночь прошла для него неплохо.

Ладно, сон для него самого не так уж и важен. По крайней мере, один из них выпался, и то хлеб.

Цинь Шу осторожно высвободил руку из-под головы Ци Юаня. Приподнимаясь, он почувствовал тупую боль в скуле. Заглянув в ванную, он убедился в своих подозрениях: на левой щеке красовался синяк размером с монету. Зрелище было впечатляющим.

Должно быть, Ци Юань ночью во сне отрабатывал приёмы «пьяного кулака». Тогда Цинь Шу почувствовал лишь лёгкий скользкий удар, но не ожидал, что останется след.

«Увидит — точно замучается чувством вины», — промелькнуло в голове. Но эта мысль не задержалась надолго. Когда Цинь Шу вышел из ванной, его лицо было безупречным — ни тени травмы.

Спустя некоторое время Ци Юань, пошарив рукой по пустой постели, окончательно проснулся, хотя его сознание ещё блуждало в тумане. Взглянув на часы, он увидел, что уже половина восьмого. Съёмки в девять, можно прийти за полчаса, так что была возможность ещё немного поваляться.

Но стоило ему прикрыть глаза, как он тут же вскочил:

— Цинь Шу! Где Цинь Шу?!

Даже не обувшись, он выскочил в гостиную.

— Цинь Шу!

— Обманщик! Обещал же быть со мной! — в его голосе смешались обида и ярость.

Раздался щелчок дверного замка.

Войдя, Цинь Шу столкнулся с перекошенным от гнева лицом Ци Юаня. Решив, что случилось

нечто серьёзное, он уже хотел было спросить, в чём дело, но актёр опередил его:

— Ты куда уходил?!

Цинь Шу молча поставил пакет с завтраком на стол. Только тогда Ци Юань понял, что художник просто спускался в ресторан на третий этаж, и его лицо мгновенно приняло сконфуженное выражение.

Цинь Шу сохранял ледяное спокойствие. Ци Юань занервничал: тон у него был, мягко говоря, не слишком вежливый, вдруг художник обиделся? Пока он лихорадочно соображал, не стоит ли извиниться, Цинь Шу произнёс:

— Чего застыл? Быстро надень тапочки.

Сердце Ци Юаня мгновенно отпустило, и он послушно поплёлся обуваться.

Цинь Шу, глядя ему в спину, лишь нахмурился. Ци Юань был слишком склонен к тревоге и мнительности. Похоже, ему предстоит ещё долгий путь, прежде чем этот человек сможет по-настоящему обрести душевный покой.

Быстро умывшись, Ци Юань уселся за стол и принялся распаковывать еду. Судя по количеству, порция была рассчитана на двоих.

Он аккуратно расставил контейнеры и приборы, подперев подбородок рукой в ожидании Цинь Шу.

Тот разлил по стаканам кукурузный напиток и один поставил перед актёром.

— Сначала выпей это, согрей желудок.

Напиток был горячим, густым и ароматным — Ци Юань его обожал. Он принялся медленно пить, поглядывая на Цинь Шу, который в это время очищал яйцо. Он знал, что это для него, и последние остатки утренней тревоги окончательно испарились.

«Если бы Цинь Шу всегда был таким...»

Эта мысль промелькнула и исчезла, и Ци Юань даже не осознал, сколько неуверенности и пессимизма таилось в глубине его души.

Они сидели вдвоём за завтраком — в тишине, покое и тепле.

<http://bllate.org/book/16121/1589553>